

«ВАХТА»

Ник Буров

Ник Буров

Вахта

<https://litres.ru/74664154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Суровый Север не прощает ошибок. Бригадир Ерохин знает это не понаслышке — за двадцать пять лет он похоронил слишком многих. Но когда на отдаленном участке появляется опасная трещина в скале, а начальство требует выполнить план любой ценой, привычная система дает сбой.

Пять мужчин, старый «Урал» и бесконечная тайга. У каждого из них свои причины быть здесь: ипотека, долги, побег от прошлого или просто привычка. Они готовы работать в любую погоду, но готовы ли они к тому, что холод однажды доберется до их совести?

Этот роман — о цене человеческой жизни, о молчаливом попустительстве и о том самом выборе, который каждому приходится сделать, когда земля уходит из-под ног. Остаться человеком или стать частью бездушной системы?

«Север не спрашивает, готов ли ты. Он просто лежит перед тобой. И ты идёшь».

Захватывающая, морозная и пронзительно честная история о мужской дружбе, предательстве и искуплении.

Ник Буров

Вахта

Глава 1. Бригада

Мороз стоял такой, что воздух казался твёрдым. Ерохин вышел из вагончика первым, ещё до того, как небо на востоке начало сереть. Он всегда вставал раньше всех — не потому, что не спалось, а потому что привык. Двадцать пять лет на Севере приучили: утро начинается не с рассвета, а с проверки техники. Если машина не пойдёт — день пропал. Если день пропал — план горит. Если план горит — начальство ищет виноватого. А виноватым всегда оказывается тот, кто ближе к земле.

Он прошёл по расчищенной площадке к гаражу — приземистому строению из шпал и досок, с воротами, которые давно перестали закрываться плотно. Снег скрипел под валенками сухо, с каким-то жестяным оттенком, будто кто-то невидимый рвал за спиной старую бумагу. Пар изо рта оседал на воротнике тулупа, и ткань уже успела покрыться тонкой коркой льда.

В гараже было темно и холодно. Ерохин включил фонарь, и луч выхватил из темноты «Урал» — старого, выдавшего виды работягу, который знал эту дорогу лучше любого человека. Машина стояла, как стояла всегда: чуть накренившись на левый борт, с подтёками масла на переднем мосту, с ка-

биной, которую давно следовало бы поменять. Но она ходила. Пока ходила.

Ерохин обошёл её кругом. Пнул колёса — оба задних держали. Заглянул под капот, посветил на двигатель. Дизель был холодный, но сухой. Проверил ходовую — тяги на месте, рессоры целые. Открыл кабину, сел за руль. Печка молчала, и от железных стен тянуло таким холодом, что пальцы на руле немели сразу. Он повернул ключ. Стартер отозвался глухим, надсадным гулом, но двигатель не схватился. Ерохин подождал, попробовал снова. На третий раз дизель чихнул, дёрнулся и завёлся — неровно, с перебоями, но завёлся.

— Дойдёт, — сказал кто-то за спиной.

Ерохин обернулся. В проёме ворот стоял Воронов — механик, мужик лет сорока, с лицом, которое давно потеряло всякое выражение. Он держал в руках две кружки, и от них поднимался пар. Протянул одну Ерохину.

— Если с головой, — добавил Воронов.

Ерохин взял кружку. Чай был горячий, крепкий, без сахара. Он сделал глоток, и тепло пошло по горлу, растекаясь где-то в груди.

— С головой у меня бригада, — сказал он. — У меня — только руки.

Воронов усмехнулся — коротко, беззвучно, одним углом рта. Допивая чай, он смотрел на «Урал» так, как смотрят на старого пса: знаешь, что скородохнет, но пока держится.

— Ты бы её в порядок привёл, — сказал Воронов.

— Приведу, — ответил Ерохин.

— Когда?

— Когда-нибудь.

Воронов кивнул. Не спорил. Он знал: «когда-нибудь» на Севере означает «никогда». Но говорил это не в укор. Просто отмечал факт. Он допил чай, поставил кружку на верстак и ушёл, не сказав больше ни слова. Ерохин остался один. Дизель гудел ровно, и от этого гула закладывало уши.

Бригада собиралась медленно. Первым пришёл Сомов — высокий, сутулый, с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта. Он шёл, чуть приволакивая левую ногу, и каждый его шаг был отдельным решением. Подошёл к Ерохину, встал рядом, посмотрел на «Урал».

— Опять эта колымага, — сказал он.

— Опять.

Сомов покачал головой, но ничего больше не сказал. Он просто стоял и смотрел на тайгу — на чёрные стволы лиственниц, на снег, который лежал до самого горизонта, на небо, которое было серым, как застиранная рубаша. Сорок лет на Севере. Он помнил времена, когда здесь были лагеря, когда геологи ходили с молотками, когда дороги строили не за деньги, а за страх. Теперь всё было иначе. Но Север остался Севером.

Следом подошёл Морозов — молодой, суетливый, в но-

вых рукавицах и новом пуховике, который ещё не успел потерять форму. Он поздоровался со всеми сразу, заглянул в кабину «Урала», потрогал рычаг, будто хотел убедиться, что машина настоящая.

— Лёш, а сколько ехать-то? — спросил он.

— Три часа, — ответил Ерохин. — Может, четыре. Как дорога.

— А там что?

— Там работа.

Морозов кивнул, но было видно: он не понял. Он ещё думал, что Север — это просто место. Просто снег. Просто деньги. Он ещё не знал, что Север — это диагноз.

Бугров появился с шуткой — что-то про бабу, которая ждала его в городе, и про то, что она, наверное, уже нашла другого. Он смеялся сам над собой, и в этом смехе было больше правды, чем в любых словах. Он знал: никто его не ждёт. И ему было плевать. Или он хотел, чтобы так казалось.

Лапин пришёл молча. Встал в стороне, закурил, хотя курить на морозе было почти невозможно — спички гасли, пальцы не гнулись, дым уходил в никуда. Он смотрел на площадку, на вагончики, на технику — и молчал. Он всегда молчал. За десять лет на Севере он научился говорить только тогда, когда это было нужно. А нужно это было редко.

Последним пришёл Черных. Он шёл быстро, почти бежал, и улыбался. В руках у него был термос — большой, красный, с облупившейся краской.

— Мужики! — крикнул он ещё издалека. — Я чай принёс. С сахаром!

— С сахаром, — повторил Бугров. — Ну ты, Семён, и барин.

— А то! — Черных засмеялся. — Жена положила. Сказала: «Чтобы не замёрз».

— Она у тебя что, думает, ты в Сочи едешь? — спросил Морозов.

— Она думает, что я вернусь, — ответил Черных. И в его голосе было столько уверенности, что никто не стал спорить.

Ерохин выстроил их перед «Уралом». Пять человек — считая его самого. Пять человек, которые через три часа будут на дальнем участке, где земля не держит, где трещина в скале, где техника старая. Он посмотрел каждому в глаза — Сомову, который всё знал; Морозову, который ничего не понимал; Бугрову, который не верил ни во что; Лапину, который молчал; Черныху, который улыбался. Он смотрел на них долго, и они смотрели на него.

— Сегодня дальний участок, — сказал Ерохин. — Две недели. Работаем. Вопросы?

Сомов шагнул вперёд. Медленно, как всегда.

— Место плохое, — сказал он. — Я там был. Земля не держит. Она как губка — снаружи твёрдая, а внутри пустота. Мы туда приедем, и...

— Знаю, — перебил его Ерохин.

— Знал бы — не поехал.

— Приказ.

Сомов усмехнулся — устало, без злобы.

— Приказ — он не Бог, Лёша. Бог — это когда ты живой домой возвращаешься. А приказ... приказ бумага.

Ерохин молчал. Он смотрел на Сомова, и в его глазах не было ни злости, ни раздражения. Только усталость. Такая же, как у Сомова. Такая же, как у всех.

— Разговорчики потом, — сказал он наконец. — Грузимся.

Кабинет Ковалёва находился на втором этаже конторы — здания из красного кирпича, которое когда-то было общежитием, а потом его переделали в административный корпус. Ковалёв сидел за столом, пил кофе из белой чашки и листал бумаги. Увидев Ерохина, он улыбнулся — широко, открыто, как улыбаются люди, которые давно научились улыбаться вне зависимости от того, что чувствуют.

— Лёша! Заходи, заходи.

Ерохин вошёл. Не сел. Остановился у двери, держа руки за спиной.

— Виктор Степанович, — сказал он. — Крепление на площадке старое. Трещина в скале. Я в прошлый раз докладывал.

Ковалёв кивнул, не переставая улыбаться.

— Помню, помню. Но у нас нет времени на ремонт. Пони-

маешь? План горит. Две недели — и площадка должна быть готова. Премия будет. Всем.

— Виктор Степанович...

— Лёша. — Ковалёв отставил чашку, посмотрел на него прямо. — Я тебя слышал. Правда. Но у меня сверху тоже сидят люди. И они не спрашивают про трещины. Они спрашивают про цифры. Ты хочешь, чтобы я им сказал: «Извините, мы не выполнили план, потому что Лёша Ерохин увидел трещину»? Ты этого хочешь?

Ерохин молчал.

— Работайте аккуратно, — сказал Ковалёв. — Всё будет нормально. Я тебе обещаю.

Он снова улыбнулся. Ерохин смотрел на него — на эту улыбку, на белую чашку, на бумаги, которые лежали на столе, на окно, за которым была тайга. Он знал: Ковалёв врёт. И Ковалёв знал, что он знает. Но оба молчали. Потому что так было заведено. Потому что система работала именно так — не убивала, но и не спасала.

— Понял, — сказал Ерохин.

Он вышел, не попрощавшись. Ковалёв смотрел ему вслед, и улыбка медленно сползала с его лица.

«Урал» выехал за ворота в половине восьмого. Ерохин сидел за рулём, рядом — Сомов. Остальные — в кунге, где было холодно, но всё же теплее, чем снаружи. Снег скрипел

под колёсами, дизель гудел ровно, и в этом гуле было что-то успокаивающее — как будто машина говорила: я ещё живая, я ещё иду.

Ерохин бросил взгляд в зеркало. В окне конторы, на втором этаже, стоял Громов. Он опирался на трость — хмурый, седой, с лицом, которое помнило больше, чем хотело. Он смотрел вслед «Уралу» и молчал. Ерохин кивнул ему. Громов не ответил. Просто стоял и смотрел.

Дорога уходила в тайгу. Зимник — накатанный, твёрдый, как бетон. По обе стороны — стена леса. Чёрные стволы, белый снег, серое небо. И тишина. Такая, что слышно, как гудит дизель, как скрипит снег, как бьётся собственное сердце.

Ерохин смотрел на дорогу. Он знал: через три часа они приедут на участок. Через три дня один из них погибнет. Но пока — дорога. Пока — только дорога.

Он прибавил газу.

Глава 2. Дорога

Зимник тянулся на север, и чем дальше уходил «Урал», тем уже становилась дорога. Сначала она была широкой, накатанной, с колеями от лесовозов и вахтовых автобусов, но постепенно сужалась, пока не превратилась в одну-единственную полосу, продавленную в снегу. По обе стороны стояла тайга — чёрная, молчаливая, бесконечная. Ерохин вёл машину ровно, без рывков, привычно перебирая баранку на

поворотах. Он знал эту дорогу наизусть — каждый уклон, каждую яму, каждый участок, где зимник проваливался в низину и становился похож на реку изо льда.

Сомов сидел рядом, упираясь коленями в панель. Он смотрел не на дорогу, а куда-то в сторону — на стену леса, которая тянулась мимо, как декорация. Молчал долго. Потом заговорил — медленно, с паузами, будто вытаскивал слова откуда-то из глубины.

— Двадцать лет назад здесь был лагерный пункт, — сказал он. — Потом геологи. Потом — ничего.

Ерохин кивнул. Он знал. Все, кто работал на Севере больше десяти лет, знали. Здесь когда-то были зоны — не те, о которых пишут в книжках, а обычные, рабочие. Люди жили в бараках, валили лес, строили дороги. Потом лагеря закрыли, геологи уехали, а дороги остались. По ним и ходили теперь вахтовики — по следам тех, кто уже никогда не вернётся.

— Ты знаешь, — продолжил Сомов. — А молодые — нет. Они думают, что Север — это просто снег. Приехал, отработал, уехал. А Север — он не отпускает. Он в тебя въедается, как мороз в металл. Потом всю жизнь будешь мёрзнуть, даже в Сочи.

— Ты был в Сочи? — спросил Ерохин.

— Нет, — ответил Сомов. — И не поеду. Там люди другие. Я их не понимаю.

Он замолчал и больше не сказал ни слова до самого поворота. Ерохин тоже молчал. Слова были не нужны. Он смотрел на дорогу, на белый снег, на чёрные стволы, которые мелькали за окном, и думал о том, что где-то там, за тайгой, за сотнями километров, есть другой мир — с асфальтом, с людьми, с жизнью без вахты. Но этот мир был не для него. Он был для тех, кто уехал. А кто не уехал — тот остался здесь. Как Сомов. Как Воронов. Как сам Ерохин.

В кунге было тесно и холодно. Печка не справлялась — дрова были сырые, и больше чадили, чем грели. Морозов сидел на скамье, укутавшись в тулуп, и смотрел в окно — маленькое, затянутое инеем. За окном была всё та же тайга, только теперь она казалась ещё более бесконечной.

— Колян, — позвал он. — А правда, что здесь раньше лагеря были?

Бугров сидел напротив, перекатывая в пальцах гайку — большую, тяжёлую, от тракторной гусеницы. Он не поднял глаз.

— Правда. И что?

— Ну... страшно.

— Страшно — это когда зарплату не платят, — сказал Бугров. — А это — просто снег. Просто деревья. Просто люди, которые тут жили и умерли. Все там будем.

— Ты чё такой злой? — обиделся Морозов.

— Я не злой. Я честный. Разница есть.

Морозов замолчал. Он хотел сказать что-то ещё, но не нашёл слов. Он вообще редко находил слова — особенно когда рядом были такие, как Бугров. Он чувствовал себя маленьким, глупым, чужим. Он приехал на Север за деньгами — за ипотеку, за семью, за будущее. А здесь было только настоящее — холодное, серое, беспощадное.

Лапин сидел в углу и молчал. Он всегда молчал. Смотрел в одну точку — на печку, на огонь, на что-то, что было только внутри него. Он не пил, не спорил, не жаловался. Просто делал свою работу. Десять лет на Севере научили его одному: слова ничего не меняют. Меняют только руки.

Черных сидел рядом с Морозовым и улыбался. Улыбка у него была хорошая — открытая, тёплая, как будто он не замечал ни холода, ни дороги, ни того, что впереди.

— Да ладно, мужики, — сказал он. — Прорвёмся. Две недели — и домой. Я жене уже написал. Говорю: «Скоро приеду. Дома всё будет по-другому».

— По-другому не будет, — сказал Бугров.

— Почему?

— Потому что ты вернёшься, а Север останется. Он тебя не отпустит. Ты будешь дома сидеть, а руки будут помнить. И ты вернёшься. Все возвращаются.

Черных засмеялся, но как-то неуверенно. Он не верил Бугрову. Он был молодой, и у него была дочка, и жена, и планы. Он думал, что сможет уехать. Он не знал, что Север не спрашивает.

Участок показался неожиданно. Дорога сделала последний поворот, и за деревьями открылась расчищенная площадка — большая, неровная, с вагончиком, буровой установкой и горами снега по краям. «Урал» остановился, и дизель заглох. Тишина обрушилась сразу — такая, что зазвез-

нело в ушах.

Ерохин вышел первым. Снег был по пояс — рыхлый, тяжёлый, проваливающийся под ногами. Он пошёл к скале, которая возвышалась над площадкой — серой, обледенелой, с трещинами, которые змеились по поверхности, как шрамы. Он нашёл ту самую трещину — длинную, глубокую, уходящую вглубь. Она стала больше с прошлого раза.

Подошёл Сомов. Посмотрел. Сказал:

— Вот об этом я и говорил.

Ерохин не ответил. Он смотрел на трещину и думал о том, что она — как всё здесь. Все видят. Все знают. Но никто не остановит. Потому что план. Потому что сроки. Потому что так заведено.

— Работаем, — сказал он наконец. — Аккуратно.

Первый вечер в вагончике был тихим. Печку растопили, и она наконец начала греть — сначала слабо, потом всё сильнее, пока передняя стенка не стала горячей. На нарах сидели мужики, ужинали — тушёнкой, хлебом, чаем. Говорили мало. Каждый думал о своём.

Черных достал телефон и начал показывать фотографии. На них была девочка — маленькая, лет пяти, с косичками и улыбкой, как у отца.

— Это Настя, — сказал он. — Растёт. Я ей обещал куклу привезти. Большую. С платьем.

— Привезёшь, — сказал Морозов.

— Привезу, — кивнул Черных. — Я ей всё привезу. Она у меня умница.

Бугров посмотрел на него и сказал:

— Семён, ты бы поменьше трепался. Север не любит болтливых.

— А что, нельзя? — удивился Черных.

— Можно. Только осторожно.

Черных засмеялся, спрятал телефон. Но что-то в его глазах погасло. Он не понял, что имел в виду Бугров. Он ещё не знал, что Север действительно не любит болтливых. Особенно тех, кто обещает вернуться.

Ерохин вышел на улицу. Мороз стоял такой, что воздух казался стеклянным. Он смотрел на небо — чёрное, с россыпью звёзд, которые казались ближе, чем на самом деле. Где-то там, в другой жизни, была его жена. Дочь. Дом. Он не видел их полгода. И ещё столько же не увидит.

Он достал телефон. Сигнала не было. Он всё равно набрал номер — просто чтобы услышать гудки. Но гудков не было. Только тишина.

Он убрал телефон и пошёл обратно в вагончик. Мужики уже спали. Черных улыбался во сне. Морозов ворочался. Со-мов спал как убитый. Лапин лежал с открытыми глазами — смотрел в потолок. Бугров храпел.

Ерохин сел у печки. Огонь трещал, и от него шло тепло — живое, настоящее. Он смотрел на огонь и думал о том, что завтра будет работа. Послезавтра — тоже. А через несколько дней — то, чего он боялся. Но он не мог ничего изменить. Потому что система. Потому что приказ. Потому что все так делают.

Он не спал до утра.

Глава 3. Первый день

Утро началось с тишины. Не той, что бывает в городе, когда за окном гудят машины и кто-то с вечера забыл выключить телевизор, а другой — глухой, плотной, будто весь мир засыпало снегом. Ерохин проснулся первым, как всегда, — за минуту до будильника. Он лежал на нарах, укрытый тулупом, и слушал. Печка давно погасла, и в вагончике стоял такой холод, что пар изо рта висел в воздухе, не расходясь. Стёкла были затянуты инеем — не окна, а белые полотна, сквозь которые не пробивалось ничего.

Он сел, опустил ноги на пол. Пол был ледяной. Натянул валенки, подошёл к печке, пошевелил угли кочергой — под серым налётом ещё тлело красное. Он подложил щепок, потом пару поленьев, и через минуту огонь взялся — сначала робко, потом уверенно, с гулом. Тепло пошло по вагончику медленно, как вода по замёрзшей трубе.

— Подъём, — сказал он негромко.

Никто не пошевелился. Тогда он сказал громче, тем голосом, которым командовал уже двадцать лет:

— Мужики. Подъём.

Первым встал Сомов — молча, без кряхтения, будто и не спал вовсе. За ним Морозов — вскочил рывком, суетливо

начал искать рукавицы, которые лежали у него под головой. Лапин поднялся медленно, сел, опустил голову, посидел так несколько секунд. Бугров выругался в тулуп, но встал. Черных потянулся, зевнул во весь рот, сказал:

— Доброе утро, мужики. Хотя какое ж оно доброе, если в такую рань вставать.

— Доброе, — ответил Ерохин. — Завтракаем и на площадку.

Ели быстро, без разговоров. Хлеб, тушёнка, чай — крепкий, почти чёрный. Морозов обжигался, дул на кружку, поглядывал на Ерохина, будто ждал, что тот скажет что-то важное. Ерохин молчал. Он вообще почти всегда молчал за едой. Слова, сказанные на голодный желудок, редко бывают нужными.

На площадке было светлее, чем вчера, — небо очистилось, и солнце стояло низко, задевая верхушки лиственниц. От этого снег казался розовым у горизонта и синим в тени. Ерохин прошёл по расчищенной площадке, осмотрел крепление, буровую, заглянул в яму, которую начали вчера. Трещина в скале за ночь не изменилась — или изменилась настолько мало, что заметить было нельзя. Но он всё равно смотрел на неё дольше, чем требовалось.

Потом распределил:

— Сомов и Черных — на буровую. Морозов — на подачу. Лапин — на бульдозер, расчищай подъезд к северной стороне. Бугров — с техникой, если что встанет — сразу говори.

— А ты? — спросил Морозов.

— А я буду ходить, — сказал Ерохин. — И смотреть.

Работа началась, и вместе с ней начался тот особый ритм, который знает каждый, кто хоть раз стоял на площадке в мороз. Дизель буровой гудел на одной ноте, и от этого гула закладывало уши — не больно, привычно. Гусеницы бульдозера лязгали, упираясь в наст. Где-то в глубине установки что-то щёлкало, будто кто-то отбивал такт. Из рта шёл пар — у всех сразу, ровными белыми струями, и оседал на воротниках, на бровях, на ресницах. Через час у Морозова ресницы стали белыми, и он этого не замечал.

Ерохин ходил между ними. Не командовал — просто ходил. Останавливался у буровой, смотрел, как Сомов работает с пультом. Останавливался у Лапина, смотрел, как тот ведёт отвал. Останавливался у Бугрова, который колдовал над гидравликой. Он смотрел на руки, на лица, на то, как каж-

дый держится, — и поэтому понимал больше, чем по любым словам. Морозов дергался. Сомов работал спокойно, как машина, которая знает, что изнашивается. Лапин делал своё и не поднимал головы. Бугров работал зло, быстро, будто хотел закончить поскорее и уйти. Черных улыбался даже здесь — и от этой улыбки Ерохину становилось не по себе.

К обеду вернулись в вагончик. Разогрели остатки, сели вокруг стола. Окна оттаяли у печки, и в них теперь была видна площадка — серая, изрытая, с чёрными пятнами техники.

Морозов жевал хлеб и смотрел на Ерохина.

— Лёш, а сколько мы здесь будем?

— Две недели. Может, больше.

— А если что-то случится?

Ерохин поднял на него глаза. Он не любил этого вопроса. Не потому, что боялся ответа, а потому что знал: ответ всегда один и тот же, и от повторения он не становится легче.

— Случится — вытащим, — сказал он.

— Оптимист, — хмыкнул Бугров, не поднимая головы от

кружки.

— Реалист, — ответил Ерохин.

— Это одно и то же, — сказал Бугров. — Только первые ещё верят, что успеют.

Сомов, сидевший у окна, поставил кружку. Посмотрел на Бугрова, потом на Ерохина. Не спешил.

— Ты, Колян, много говоришь, — сказал он. — А скажи-ка мне: когда ты в последний раз на площадке что-то не так делал? Спешил?

Бугров пожал плечами.

— Все спешат.

— Вот именно, — сказал Сомов. — Все. И все знают, чем это кончается. Только делают вид, что не знают.

Он встал, надел тулуп и вышел. Дверь за ним хлопнула, и на пол посыпался снег с порога.

Вечером, когда стемнело и работа встала, все собрались в вагончике. Печка гудела, огонь бил по коленям, а спина

оставалась в холоде. Чай пили молча, и молчание это было не тяжёлым, а просто плотным, как воздух перед морозом.

Сомов сидел на нарах, вытянув больную ногу, и смотрел в огонь. Потом заговорил — негромко, будто сам с собой.

— Лёша, я тебе скажу одну вещь. Я здесь сорок лет. Я видел, как люди гибнут. Не потому, что дураки. И, что пьяные. Потому что система. Она не убивает, Лёша. Она просто не спасает.

Ерохин смотрел на него.

— Я знаю.

— Знал бы — уехал бы.

— Куда?

Сомов помолчал. Огонь щёлкнул, выбросил искру, и она погасла, не долетев до пола.

— Никуда, — сказал он. — Вот в этом и беда. Не потому, что некуда. А потому что ты себя здесь оставишь. А без себя — зачем ехать?

Никто не ответил. Морозов смотрел в кружку. Лапин — в стену. Бугров перекатывал в кармане гайку, и она тихо звякала о ключи. Черных спал, укрывшись с головой, и дышал ровно, как ребёнок.

Ерохин вышел на улицу около двух. Не потому, что не спалось — спалось, но что-то тянуло. Он прошёл по площадке к креплению, посветил фонарём. Луч резал темноту белым клином, и в этом клине снег казался обожжённым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.